

ОСТАНОВКА
для 2-го
ТРОЛЕЙБУСА
ПОДЪЕЗЖАЮЩИ

Линия № 10		
	1	10
	5	11
	7	22
10	Линия № 10	
11	Линия № 11	
22	Линия № 22	

О Л С Снег

или соло, мой друг

О Л. С

Снег. или соло, мой друг

«Издательские решения»

С О. Л.

Снег. или соло, мой друг / О. Л. С — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748147-6

Сборник включает в себя повесть, которая называется «Снег», и 57 рассказов, по формату — новелл. Повесть начинается с того, что в Городе не переставая идёт снег, необычный снег; герой повести ищет выход из снежного плена; от его имени ведётся повествование. Мир после Снега изменился — об этом рассказы, в нескольких из которых прослеживается дальнейшая судьба героя «Снега».

ISBN 978-5-44-748147-6

© С О. Л.

© Издательские решения

Содержание

Снег	6
Время	19
Справедливость	21
Сила	24
Вода	26
Пища	28
Человек	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Снег или соло, мой друг О Л С

*Автор оставляет за собой право
совершать грамматические, лексические, фразеологические
синтаксические ошибки, быть непонятным.*

*Чего он не вправе был себе позволить – это быть скучным.
Впрочем, и ошибки автор не вправе был совершать.*

Посвящается первым читателям.

© О Л С, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Снег

Я хорошо помню, как пошёл Снег. Я ехал в троллейбусе, и у девушки, севшей напротив, потекла тушь, не как обычно она течёт у женщин, когда они плачут, а оставляя множество чёрных точек под глазами, повторяющих изгиб ресниц, но девушка этого не замечала; её одежда и волосы вымокли от снега, пока она стояла на остановке, и на лице вместо снежинок блестяли капли. Троллейбус двигался медленно, рывками, словно наощупь, и я всё время смотрел на часы и нервничал, боясь опоздать на работу.

Весь день мы только и говорили, что о Снеге, о том, как меняется климат, что человек зашёл слишком далеко, эксплуатируя природу, и что, возможно, мы стали свидетелями того, как неведомые нам силы запустили защитный механизм планеты. А Снег продолжал идти. И утром за окном я увидел всё ту же непроницаемую падающую снежную стену. Я смотрел и думал, что к понедельнику Снег обязательно закончится и всё будет, как прежде. А пока новостные выпуски телеканалов соревновались друг с другом, выпуская репортажи с пометкой «срочно» о небывалом снегопаде. Финансовый кризис, войны, коррупция, проблемы ЖКХ, пенсионная реформа, – всё это как будто исчезло из обывательских умов, остался один Снег. И руководители Города с напряжёнными лицами сообщали горожанам, что делают всё возможное.

– И невозможное мы тоже делаем, – проникновенно говорил на камеру лопухий Губернатор.

Следом за губернатором главный метеоролог Города, едва различимый в снежной пелене, пессимистично говорил:

– К сожалению, тёплые массы с Атлантики продолжают приносить в регион аномальный снег всю следующую неделю.

Поговаривали, что перед этой зимой Губернатор отправил на Афон своего зама, а сам, по каким-то причинам, не смог поехать. И зам в чём-то напортачил, когда просил малоснежную зиму. Может духовности ему не хватило. Но я таким слухам не верю.

А когда в очередной раз один известный своим наигранным безумием политик стал рассказывать, что Снег – это климатическое оружие, и не случайно Снег пришёл с Атлантики, и в конце зашёлся в истерике:

– Не надо морочить нам голову! Это всё А...! – телевизионная картинка исчезла. На экране тоже пошёл снег.

Я давно не ходил на работу. Мой начальник уклончиво сообщил по телефону:

– Пока посидите дома.

С трудом выторговав у барыги крошечную металлическую печку и самым тщательным образом утеплив три окна и балконную дверь при помощи старых газет, одеяла и подушек, я большую часть времени проводил возле её тёплого бока.

Снег похоронил прежний мир, прежнюю власть и родил новую жизнь, состоящую из коренных и пассажиров. Это произошло не в один день. Сначала появились мародёры, они считались преступниками, пока информацией владели телевидение, интернет и газеты, но потом, когда из всех источников информации остались одни слухи, к ним присоединились остальные жители Города. Мародёры быстро разделились на коренных и на пассажиров. Коренные верили, что Город героически выстоит, как выстоял в прошлом, в самые тяжёлые времена. Они находили в Снегу супермаркеты и там жили, ожидая помощи извне. Возглавляли группы коренных в основном мародёры, но теперь их называли директорами. У директоров были заместители и всевозможные администраторы, стоявшие над большинством. Большин-

ство же, к которому относился и я, называли очередью. Рассказывали, что Губернатор тоже где-то директорствует.

У Снега нашлось множество необычных свойств. Например, под Снегом дышалось не хуже, чем в прежней жизни, хотя под обычным снегом человек мог дышать только ограниченное время. Снег утолял жажду и голод, и часть верующих называла его манной небесной, хотя такой Снег был зелёного цвета.

В супермаркете я познакомился с психологом Чечевицыным. В прежней жизни Сергей Васильевич занимался поисками аддикций, пока не понял, что это тоже аддикция. Он был одним из тех, кого Снег спас:

– Если бы не Снег, не знаю, что бы я с собой сделал.

Наш директор держал Чечевицына за шута. Так уж повелось с самого начала, когда Сергей Васильевич, представляясь всем нам, слишком долго и как-то нелепо академично перечислял свои регалии. Других учёных в нашей группе не было, если не считать начитанного омовца Захарова, на любой вопрос первым знавшего ответ. А Чечевицын всегда долго думал, запинаясь, предупреждал, если вопрос был не из сферы его компетенции, и отвечал неуверенно.

– Ты, Василич, не юли! – устраивал цирк Директор. – Почему жёлтый снег горит, а белый нет? Они ведь одинаковые?

– В жёлтом – сера, – безапелляционно заявлял Захаров, опережая Чечевицына, его Директор тоже держал за шута, – при таянии выделяется сероводород, а он горит.

– Сероводород? – скучно сомневался Чечевицын. – Насколько я помню из химии, сероводород имеет запах, а жёлтый снег без запаха.

– Да вы просто, Сергей Василич, уже привыкли к говнецу в воздухе, – весело замечал Захаров. И все смеялись над Чечевицыным.

– А вот синий снег? – спрашивал в другой раз Директор, – говорят от него сила прибавляется, но и сдохнуть можно. Вот что в нём есть?

– Понятно что, – снова был первым Захаров, – в нём силденафила цитрата до хера, от этого кровообращение бешеное и силы берутся.

Великан Митрич появился именно так.

– Синего снежку поел, – шутил он, больше других толкавший снегоочиститель по железнодорожным рельсам в лабиринте. Мы толкали его, когда заканчивались запасы жёлтого снега. На жёлтом снеге работал двигатель снегоочистителя.

А ведь пытался покончить с собой, брошенный умирать в синий снег, но вместо этого стал Великаном Митричем. Я бы, наверное, всех возненавидел, а Митрич, наоборот, был удивительно тих и доброй души человек.

Я пошёл в пассажиры, потому что решил, лучше погибнуть ища свободу, чем мечтать о ней среди пустеющих прилавков супермаркета. Пассажиры находили в Снегу железнодорожные рельсы и катили вперёд снегоочистительную машину, снег по трубе большого диаметра отбрасывался специальным механизмом назад, так что нам ничего не оставалось, как двигаться вперёд. Иногда мы находили в Снегу железнодорожные вокзалы, случайно, специального дара, как у других, ни у кого из нашей бригады не было, и мимо многих мы просто проходили. Только на вокзале можно было по-настоящему согреться у огня, высушить вещи, побыть в домашней одежде, заняться любовью с девками. В Снегу разводить огонь опасно, и все растирали себя пухляком, надеясь, что станет тепло, как от водки.

На вокзале я чаще сидел один у печки с весёлыми огоньками и думал. Почему-то так получалось. Видимо, всё дело во мне. До Снега я не успел обзавестись ни семьёй, ни детьми, полагая, что у меня всё ещё впереди; жил отдельно от родителей и даже привык к этому.

В Снегу мы похожи на вахтенных рабочих, и когда отдыхаем, то обычно немного поговорим о работе, а потом засыпаем вповалку на платформе.

Руководил нами бывший начальник пожарного депо, ему сразу все стали подчиняться. Вроде обычный человек, а все его побаивались. Если не выполняли норму, а норма была одна – пройти шесть километров в день, то чувствовали себя виноватыми, стояли перед ним опустив головы и слушали, как он нам выговаривает. Хотя кто он такой, если подумать, чтобы вышагивать туда-сюда перед строем и ругать нас. Один раз я подслушал, как Молоденькая жаловалась Старшей, что ей неприятно оставаться наедине с Бураном, но тут же сама себя поправила:

– Но он же Буран, как я могу? Ему девки только для этого и нужны.

– Ничего, – посочувствовала ей Старшая, – ты другого представляй, – и захихикала, – есть кого представлять?

И Молоденькая назвала моё имя. Сердце в груди сладко кольнуло от её слов, но напрасно, я не мог с ней встречаться, потому что Буран ни с кем её не делил. И я не хотел ни с кем делить Молоденькую и иногда думал, что власть – странная штука, ведь мне ничего не стоит не послушаться Бурана, он и ростом ниже, и не такой сильный, и старше меня почти вдвое. Что в нём такого? Чем он лучше нас? Мы сами его таким сделали.

Я не делился своими мыслями ни с кем.

– Власть должна быть, – звучал в моей голове стройный хор голосов, – кто-то должен вести нас вперёд. Так устроен мир.

А если не приведёт? Если будем всё идти и идти, и через сорок лет никуда не выйдем?

– Так всё устроено.

– А разве мы иначе жили?

Я отбрасывал на тележку Снег и всё время о чём-то думал. А что ещё было делать? Я думал, что никакая смерть (я представлял Бурана, корчащегося на снегу в мучениях, и весь снег вокруг был в кровавых пятнах, и кто-то из толпы проворачивал лом ему в жопе, и остальные топтали его ногами, а потом его труп вмерзал в снег) не станет равноценной потерянными в лабиринте дней моей жизни. И потому он должен ценить наши усилия, должен дорожить нашими жизнями, нести ответственность и знать, что так просто ничего не пройдёт, потому что ни один шаг вперёд не вернуть назад. И тут же поправлял себя, что такие, как Буран, никогда не отвечают за свои поступки и всегда находят им оправдание. Кто находит? Свои времена и свои люди.

В зданиях вокзалов всегда сидели мертвецы, ни разу такого не было, чтобы вокзал был пуст. Мы уносили трупы в комнату, которая называлась «кассы», и там оставляли. Если на них были тёплые вещи, мы их забирали себе, кому что подходило по размеру.

В Выдумках тоже сидели в зале ожидания люди. Холод замедлил разложение, и мертвецы казались уснувшими пассажирами, если бы не пустота, которую всегда чувствуешь рядом с умершим, словно слышишь зов смерти, обращённый к живым.

Мой друг был окружён такой же мёртвой пустотой. Сидел у окна с сумкой на коленях и бессмысленно смотрел сквозь меня, в никуда.

Как он оказался в Выдумках? Если бы не Снег, я бы знать не знал о такой станции. Мы ещё долго смеялись, прочитав её название, таким оно показалось нам уморительным. А теперь мне не до смеха.

– Это мой друг, – сказал я Бурану, – с детства дружили. А в последние годы как-то отдалились.

В сумке друга я нашёл блокнот. Там не было никаких записей, кроме этой:

«Что-то странное вокруг происходит: снег не перестаёт, электричество отключили, связи нет, поезда задерживают. Мне грустно до невозможности. И я затеял игру: записать имена всех, кто мне дорог. На всякий случай. Вдруг со мной что-то произойдёт. Кирпич на голову упадёт:). Отвлекусь такой игрой от мрачных мыслей...»

И дальше он перечислил имена одиннадцати человек (я сосчитал), меня среди них не было. Почему?

Мы отнесли трупы в кассу. Буран решил, что на станции мы отдохнём пару дней:

– А потом снова в Снег! – и громко хлопнул в ладоши, энергично потёр ими и засмеялся, как любитель весёлых попок перед щедро накрытым столом. – Отдохнём, орлы! И снова рыть! барахтаться! не сдохнуть, а жить!

Почему мой друг не вписал моё имя? Ну, ладно, семья, а потом?...

Я сидел возле печки и слушал, как шумит дым в трубе, как потрескивает огонь на сырых поленьях.

Может тоже написать такое письмо? Сколько ещё искать выход в Снегу? Надежды мало. Веры никогда не было. Любовь убил мой друг.

Я смотрел на пламя в крошечную щель, заслонка закрывалась не плотно, и представлял, что это горит имя моего друга, потом выхватывал из огня и думал: почему не хочу этого? Мне хотелось и не хотелось мстить. Мне казалось невозможным вычеркнуть из сердца имя человека. Может он злился на меня в Выдумках и потому не вписал моё имя? Может, правда, так было?

Я услышал, как дверь комнаты, в которой отдыхал Буран, открылась, и оттуда вышла Молоденькая. Она подошла и сказала:

– Пойдём со мной.

– А как же Буран? – спросил я её.

– Буран сказал, что у тебя мысли плохие и чтобы я помогла тебе.

– Откуда он знает, что у меня такие мысли.

– Снежку поел, – хихикнула Молоденькая.

Утром Буран позвал меня и сказал:

– Всё правильно, в сердце надёжнее всего записано. А бумага... – он взял список моего друга. – Смотри! – щёлкнул зажигалкой золотого цвета и поджёг его, некоторое время держал в руках и смотрел, как он горит, а потом бросил и брезгливо растёр ногой.

Сердцу захотелось выйти к морю, увидеть Молоденькую, как она в нём резвиться. Пусть с Бураном. Буран – он мне ближе отца. Батя. Он главный среди нас.

Снег закончился внезапно. К этому моменту хотелось подготовиться, но я воткнул лопату и вместо привычного сопротивления почувствовал лёгкость растаявшего сливочного масла и следом за лопатой вывалился наружу. Свет ослепил меня до боли. И я долго не мог посмотреть на мёрзлую, прикрытую тонким снежком землю, на хмурое и нелюдимое небо. Здесь было ещё холоднее, чем в Снегу, и не было моря, тёплого песка, и лучи южного солнца не искрились на волнах. Вместо этого я услышал напряжённый бег, чужое дыхание, и как кто-то громко оправдывался:

– Только отошёл! На минутку всего!

С тех пор, как снежный призрак в лабиринте превратил Бурана в ледышку, затянул его тело в «черняк», и я остался один среди Снега, я научился чувствовать опасность за двоих. Лихорадочно разогрев в ладонях красный снежок, тогда, ударяясь о землю, он превращался в разрушительное оружие, я бросил его за Снежный выступ. Взрыв получился такой силы, что я зря беспокоился, будто недостаточно разогрел его в ладонях (от этого зависела мощность взрыва). Выглянув из-за выступа, я бросил второй красный снежок, уже зряче, в несколько чёрных тел на снегу, они лежали и громко кричали от боли. Второй взрыв получился мощнее первого, меня отбросило в сторону и сильно засыпало Снегом. Я лежал под ним, прислушиваясь, а потом осторожно выполз из сугроба, и, держа наготове красный снежок, медленно приблизился к телам людей. Один только делал вид, что мёртвый, я заметил движение глазных яблок за закрытыми веками. Я ещё раз осмотрелся, положил красный снежок в сумку-термос, достал из рюкзака жёлтый снежок и ткнул притворяющегося ногой в бок:

– Вставай! иначе сожгу на счёт три. Раз!...

Он тут же открыл глаза.

– Рассказывай, что вам от меня нужно!

– Вы должны понять...

– Два!

– Мы никого не выпускаем из Снега, у нас приказ всех уничтожать. Там аномальная зона, все, кто выходят, представляют опасность.

– Снимай одежду! – приказал я ему, прикинув, что она мне подойдёт по размеру. Моя одежда была покрыта инеем. Так мы называли белую вязкую субстанцию, которая появлялась на коже, если долго находится в Снегу, и которую всё время приходилось счищать.

В одних трусах он оказался худым, как палка:

– Видите две трубы? – паренёк показал в правую сторону рукой.

Я давно заметил две трубы вдалеке, из них поднимались огненные факелы, и не стал смотреть в указанную сторону, а смотрел, не сводя глаз, на паренька.

– Вам лучше проползти между ними.

– Проползти? Что это значит?

– Так делают газовики, – голос его дрожал, ему было холодно и страшно, – вы ведь меня не убьёте?

– А если проползу, мне поверят?

– Вы кто по специальности?

– Юрист.

– Это хорошо, – сказал он неуверенно и некоторое время думал. – Скажете, что работали юристом на Втором Северном Потоке, а потом на вас бандосы напали.

– Бандосы? Это бандиты?

– Нет, бандосы – это не бандиты, то есть их бандитами начальство называет, но у них свои территории, бандостанами называются. Они там по своим понятиям живут. Я бы сам в бандосы пошёл, у них справедливости больше.

– Получается за территории воюют?

– Не совсем так, – покачал головой паренёк, – скорее война без особых причин. Шутер. Каждый за себя. Давно вы, видимо, из Снега не выходили. В общем, запомните, что работали юристом на второй очереди, она новая и толком никто никого там не знает. Скажете, что поехали посмотреть сопки. Все почему-то хотят посмотреть сопки. Напали бандосы, они только за счёт этого и живут, нападут на газовиков, и всё вобщак. В это поверят, много раз такое было, а потом уйдёте, куда хотите. Можете на юг, говорят, там меньше войны.

– Спасибо! – сердце моё дрогнуло, я не хотел оставлять его в живых, даже пообещав жизнь. – Ложись на землю! – приказал я ему.

– Вы ведь не собираетесь меня убивать? – снова спросил он и пообещал. – Я никому про вас не расскажу.

– Тогда ложись лицом вниз.

Он покорно лёг на землю, я связал ремнём, снятым с одного из убитых, ему руки. Жёлтый снежок загорался от огня, я отошёл на несколько шагов, чтобы паренёк не услышал щелчка зажигалки Бурана. Пламя разгорелось не сразу, я несколько секунд ждал, пока оно не станет достаточным, а потом бросил в спину пареньку снежок так, чтобы огонь разлился сразу по всему телу и следом бросил второй. Можно было обойтись и одним, но для него хотелось мгновенной смерти в высокой температуре. Пареньку всё равно было больно. Ничего личного. Читайте, у меня тоже приказ.

Потом я долго переносил трупы в Снег. Снег рождал призраков, я не знаю их природы, может быть это новый виток эволюции, они появились из животных. Среди призраков были такие, кто питался трупами – санитары Снега. И закапывая в Снег изуродованные взрывами красных снежков тела шести мертвецов и почерневшие кости паренька, я был уверен, что уже к вечеру их никто не найдёт, призраки всех употребят себе в пищу, потому что каждый нуждается в энергии из своего источника.

Выполнив эту работу, я разделся догола и тщательно отмыл тело обычным снегом, а потом ждал, пока оно высохнет, и смотрел, как горит старая одежда от жёлтого снежка, и было немного грустно и странно, ведь каждую секунду прежде я желал выбраться из Снега, а теперь собирался идти прочь в сильном смятении.

К Трубам вела широкая тундра, натёртая ветрами. Я опустился на колени и посмотрел на Трубы, похожие на игрушечные с такого расстояния, они высились над синими точками вагончиков-бытовок. Решившись, я лёг на живот и пополз, отталкиваясь ногами от земли, присыпанной тонким слоем снега, хватаясь руками за промёрзшие неровности, не щадя новой одежды. Грубая земля больно врезалась в тело, но я был готов терпеть и не это, только бы мне поверили, что я пришёл не из Снега. Прошло не меньше двух часов, прежде чем я дополз до Труб – мощных, высоких (не меньше ста метров). И прополз между ними, слушая, как громко гудит в них огонь, и думал, что кубометры газа сгорают в воздухе только для того, чтобы удержать людей от распада. Я полз к двухэтажному вагончику синего цвета, на входе в который заканчивался этот странный ритуал. Перед тремя деревянными ступеньками наверх лежал синий коврик с изображением белой зажигалки, я встал на него, встал на колени. Встал и стал ждать.

Начальник буровой установки (набурустан) открыл синюю дверь, посмотрел на меня и с большой неохотой пригласил войти, голос у него был тонкий, бабский, а сам он был животастым коротышкой в синем комбинезоне. Я с наслаждением встал на ноги и немного так постоял, радуясь другому положению тела. Войдя в вагончик, я услышал, как набурустан громко сказал мне из глубины:

– Сюда идите! Направо поворачивайте! Здесь поговорим.

Я вошёл в небольшую комнату, по интерьеру – рабочий кабинет: вдоль стен высились стеллажи с папками, у окна стоял стол со стопками бумаги, на мониторе компьютера открыт документ в word, а рядом с компьютерной мышкой кусок торта на блюде фисташкового цвета.

– Присаживайся, – предложил он мне место на стуле напротив. – Кто научил тебя ползти между Труб? Разве ты – газовик? Что-то не помню такого.

– Я – юрист со Второго Северного потока, – сказал я ему, как научил меня паренёк.

– Ну-у, – протянул недоверчиво набурустан, – Второй Северный большой. Ты мне конкретно скажи!

– Со второй очереди.

– Аа, – кивнул набурустан, – с ямал-европейской.

Не знаю, как это объяснить, он сказал это точно так же, с теми же интонациями, ничем не выдав себя, но я понял, что вторая очередь не ямал-европейская, и он меня проверяет:

– Она не так называлась, – сказал я ему.

– А как? – набурустан посмотрел на меня внимательно.

Я не знал ответа, но знал, что ещё ничего не потеряно, и потому притворно тяжело выдохнул, посмотрел на него расстроено и сказал:

– Этого я и боялся. Чем-то таким это и должно было закончиться. Зачем я поехал смотреть сопки, когда вокруг бандосы? А я поехал. Надо было там и остаться, а не бродить без денег по тундре. Водила меня бросил. Не знаю... Возможно, я один такой, у кого новые названия вылетают из головы. Всю дорогу ломал голову, чтобы вспомнить. В обычной жизни как-нибудь нашёл в интернете, а в тундре ничего нет, кроме головы. И я вспомнил традицию, что нужно ползти между труб, и тогда поверят, что газовик, а не какой-нибудь бандос.

– А зачем тебе это? Ну, чтобы я поверил в газовика.

– А другие здесь не ходят, – выдохнул я, пряча страх.

– Ну, почему? Ходят. Точнее выходят – из Снега.

Я кивнул:

– И поэтому тоже, – кивнул я, стараясь как можно спокойнее смотреть ему в глаза.

– Интернета у нас тоже нет, – после долгой паузы сказал набурустан совсем другим голосом, как будто потеплевшим, – но не грусти, удачно ты набрёл на нас, завтра машина едет на Ийскую...

Я хлопнул себя ладонью по лбу:

– Ийская! Конечно! – и эмоционально всплеснул руками. – А я всю голову сломал. Вот простое вроде слово, а как выскочит!... – я изобразил на лице облегчение.

– Бывает, – кивнул набурустан, – сам не без греха, – и в первый раз улыбнулся так, что у меня отлегло от сердца, – надо будет вашему руководству намекнуть, чтобы с персоналом поработали, – и он мне подмигнул, – который случай уже, сбились со счёта. И знаешь, – он серьёзно посмотрел на меня, – всякие люди приходили, но чтобы вот так приползали, – он добродушно рассмеялся, – в первый раз. Это персонал обычно так чудит. Ну, они свои, да и просят обычно одно и тоже – деньги, дай им денег, всё мало платят. А денег, сколько не получай, их всегда будет не хватать, – сказал так, словно подвёл итог нашего разговора, и больше мы с ним не разговаривали.

Полуянов, которого набурустан вызвал по телефону, а когда тот пришёл, представил:

– Сергей Николаевич, начальник нашего гостиничного комплекса, – проводил меня в такой же вагончик-бытовку.

– Поживёте здесь до утра, – сказал он мне, открывая номер, представлявший из себя небольшую комнату с кроватью, столом, стоявшим у квадратного окна, и шкафом-купе вдоль другой стены. – Удобства в конце коридора, но сейчас из жильцов вы единственный, так, что... – он не договорил, встал напротив картины, висевшей над кроватью, и стал смотреть на неё. – До вас приезжали ребята из Центра, подарили эту картину. Такие дела там творятся, – и он кивнул на стену, – не верится даже, что дождались.

Я подошёл и подробно рассмотрел картину: на ней была изображена озверевшая толпа на площади, расправлявшаяся с двумя мужчинами, мужчины стояли на коленях, одежда на них была разорвана, лица в крови; из толпы выступал бородач в чёрной вязанной шапочке, он замахивался бейсбольной битой на мужчину в белом медицинском халате, халат был испачкан грязью и кровью, за ним прятался от толпы второй мужчина в зелёной одежде, люди в толпе угрожающе протягивали к ним кулаки, и их лица были перекошены от ненависти и злобы. Внизу картины художник написал такой текст: «Врач, превративший больницу в бизнес-центр, защитник окружающей среды, торгующий страхами, – все достойны смерти».

– Вы сами, наверное, не из Центра? – спросил Полуянов, явно довольный изображённой на картине экзекуцией.

– Нет, я из Провинции, – соврал я. Хотя соврал отчасти. Город, в котором я жил, раньше был столицей, теперь же, словно отыгрываясь за прошлое, его называли «глубоко провинциальным», – понятно кто называл – жители новой столицы.

– Я так и понял. До вас ещё не докатилось, но слышали, наверное? – Он обрадовался, что его догадка подтвердилась. – А в столицах уже второй месяц погромы. Люди бунтуют. И это хорошо. Как учил профессор Яблочкин в университете, зло нельзя ни упорядочить, ни уменьшить. И ещё говорил, что чёрное не станет белым, если его называть белым. Эх! – Полуянов улыбнулся. – Вечные истины на новый лад. Всякому думающему человеку теперь очевидно, что законы – это зло. Следующие на очереди священники, а потом наступит анархия – мать порядка.

Несколько лет я пробыл в Снегу и слышал впервые о преследованиях врачей и защитников окружающей среды, но делал вид, что в курсе происходящего, и не хотел, чтобы меня на чём-то подобном поймали.

– Одно время к философии стали относиться с пренебрежением, говорили, пустая наука, – Полуянов улыбнулся, но теперь грустно, – я на философском в университете учился, сам так же стал думать, разочарованным был, надломился, прогнулся под изменчивый мир, слабый был тогда, решил, что лучше верить в практичные вещи, а беспредметные умствования для праздных умов. А потом оказалось, что все эти учёные занимались чёрт знает чем ради наживы. Всё, что не приносило прибыли, отрицали в угоду своим боссам. А может и бесам. Да. И дошли до самых низменных поступков. Посмотрели в эту пропасть и испугались. А от страха, как и все люди, побежали к Богу. Стали смотреть наверх, искать помощи и вдруг рассмотрели на вершине философию. Увидели Бога и философию, бедолаги.

– Признаюсь, я с вами не вполне согласен, не все врачи – зло, – я решил показать сомнения провинциала для достоверности, хотя мне было всё равно, – иначе кто нас будет лечить?

– Дело не во врачах, а в системе, которой они служили, в ней процветала мораль компромисса и годовых отчётов. Я – начальник гостиничного комплекса, а учился на философа и мог бы продолжать им быть до этого дня. Понимаете, не все должны заботиться о прибыли и необязательно большинству это объяснять. В мире компромиссов все цвета правы и все вкусы правы, и все равно достойны, и каждую вещь можно трактовать, как вздумается, если это приведёт к выгоде. Мы, действительно, равны, если уж на то пошло, но все перед богом, а не каждый друг перед другом.

Чтобы не молчать, я заметил в ответ:

– Я признаю, что деньги не делают врача – хорошим врачом, но у всех ведь семьи, их надо кормить. Как не думать о прибыли?

– Вы думаете, у них мало денег? Там такие деньги! И такая круговая порука! Там сам дьявол правит всем. Поэтому главврачи регулярно ходят в церковь на исповедь.

– И защитники окружающей среды тоже?

– Все. И я тоже. Мы живём в аду, который создали вокруг себя сами. Мы всё время ищем оправдание своим поступкам. И оправдание поступкам других, особенно, поступкам тех, кто сильнее нас. А всё, на самом деле, не так уж сложно, чёрное – это чёрное, а белое – это белое.

– Значит деньги чёрное?

– Деньги – это как книжка-раскраска, не хорошо и не плохо – пустота, если к ним не прилагаться. Я вам скажу про деньги: нам говорят, что деньги – это всё равно что построить дом, всё тоже самое – нужен фундамент, нужно построить стены, крышу. Но деньги никогда не приходят сами, они нам не достаются вот так, чтобы как высокий дом построить с нуля. Никакого фундамента у денег нет. У одних богатство, как по волшебству, сразу появляется, а у большинства... – Полуянов безнадежно махнул рукой. – Деньги – это разрастающаяся осно-

ванием вверх пирамида, если говорить о деньгах, как о капитале, в критический момент она сама покачнётся, упадёт и разрушит прежний мир.

– Вы о революции говорите?

– Когда революция нужна, она должна быть. Понимаете, если необходима война, а вместо неё компромисс, то война всё равно будет, но прежде миром будут править ненасытные отморозки.

– Вам, наверное, не понравится, что я скажу, но это всё больше, действительно, философия, а не жизнь. Я не могу про свою жизнь сказать, что больше всего зла в ней причинили врачи и защитники окружающей среды, а тем более священники. Я не вижу, что мною правят отморозки.

– Значит вам повезло. Мой младший сын влюбился в девочку из своего класса, а она оказалась трансгендером. Никто не знал, что она только называет себя девочкой и одевается как девочка, по рождению же это был мальчик. Родители поверили самоидентификации ребёнка, а не своим глазам, в младенчестве переписали пол в документах и скрывали от других, а врачи покрывали всё это, потому что у нас такой закон, щадящий, до совершеннолетия можно скрывать свою природу. Вот о таком лживом компромиссе я говорю.

– И что ваш сын?

– Ничего хорошего. Его больше нет с нами.

Ночью снова пришли призраки, теперь они приходили только в снах, окружили Молоденькую, и она стала белой, как их королева. Буран упал на колени, а следом за ним я. И призраки не тронули нас. Ни во сне, ни тогда. И Буран снова запел песню Николая Носкова, которую любил и пел очень хорошо, когда мы отдыхали на железнодорожных вокзалах:

*Мы души греем каждый год,
Уходит солнце в небосвод,
И удаляясь от звезды, все станет белым.
Кристаллы снега упадут, они остались,
Свет зовут, и я иду на белый суд, и он сверкает
Медленно ночь улиц усыпляет,
И снится небу снег, снег, снег... Зима за облакам. Мечты твои
чисты – я знаю,
Снег, снег, снег летит с небес не тая,
Ты рядом хочешь быть – я знаю...*

Водителя было жаль. Он сам сначала спросил, умею ли я обращаться с оружием, а когда услышал в ответ, что в армии мне приходилось это делать, удивился:

– Юрист и служил в армии? Ну, ладно, – и достал из потайного ящика в фургоне короткоствольный автомат. – На них надежды никакой, – он кивнул на мать с великовозрастным сыном и протянул мне оружие, – стреляй в любого, кто появится, – с холодком в голосе посоветовал он.

– А если это такие, как я, заблудились?

– Всё равно стреляй, на войне иначе не выживешь.

Я только тогда понял, как мне повезло выйти из Снега именно в этот момент и что напрасно изводил себя ночью мыслями о предстоящем утре, потому что когда другим что-то надо, они готовы поверить любому обману.

Мамаша годилась мне в бабушки, толстая, неповоротливая, с шербатым лицом, со множеством пакетов и сумок, все надписи на которых были написаны китайскими иероглифами. Она что-то проверяла на буровой установке по технической части, а сына всюду таскала

с собой, такой он был неприспособленный к самостоятельной жизни. Пока они были живы и ехали рядом, мне всё время казались подозрительными их отношения, как ласково улыбался этот недоумок с жидкими, сальными волосами, собранными в хвост, своей мамаше, тогда глаза его превращались в щёлки, он откидывая назад голову и обнажал маленькие белые зубы. И всё время хотел, чтобы мамаша села рядом с ним. А та исподтишка наблюдала за мной и строго говорила сынуле, чтобы он сидел там, где сидит, а она будет сидеть на своём месте.

Водитель, попросивший меня не называть его командиром, половину пути напряжённо всматривался в голую даль, опасаясь появления бандосов, и молчал, а потом замолчал навсегда, навалившись мёртвым телом на руль; одна из пуль отскочила от металлической накладки на панели мамаше в голову, та вскрикнула, её сынок завизжал, фургон продолжал катиться вперёд.

– Не убивайте нас! – взмолилась она, на мгновение превратившись в человека. По её лбу стекала струйка крови, и глаза были полны ужаса.

– Нет, – сказал я ей, хотя мог и не говорить ничего, а просто расстрелять её и её сына, но я сдерживал себя половину пути и теперь мог выпустить пар. Я убил мамашу, а перед тем, как прикончить обезумевшего сынулю, сказал ему. – Что же ты такой довольный? У мамки под юбкой? Не понимаешь, какой ты урод?

Я вышел из фургона, передвигаться на нём дальше было бессмысленно, встроенная система навигации – лучший способ себя обнаружить. Я нашёл еду в сумках мамашы, взял все патроны из ящика, забрал карабин у водителя, облил салон фургона бензином из канистры и остатки сливал, пока отходил в сторону. Вокруг была тундра. Я мог идти, куда мне вздумается, осталось только поджечь бумагу и бросить её на готовую вспыхнуть пламенной дорожкой землю, ведущую к фургону, где огонь вспыхнет ещё яростнее и сильнее. И я понял, что самый сильный огонь во мне, это желание увидеть море. Пусть и без Молоденькой рядом. Пусть ради этого я должен...

Я выстрелил и укрылся за кучей строительного мусора. Это давно стало привычкой, не раздумывая выстрелить в чужака, неважно, кто это и насколько он опасен. Я выстрелил в мужчину быстрее, чем он заметил меня. Несколько раз. Кажется, три. Потом долго полз, укрываясь за полуразрушенными стенами многоэтажки, за нагромождением железобетонных блоков, за выгоревшими и просто брошенными автомобилями. Адски жарило солнце. Пыль поднималась вверх от лёгкого движения, налипала на лицо и попадала в глаза и рот. Я прополз на брюхе не меньше полукилометра, чтобы подстреленный мной мужчина гадал, откуда я появлюсь. Я заполз в другой дом и осторожно заглянул в небольшое отверстие в стене, мужчина лежал на боку, уткнувшись лицом в землю, схватившись руками за живот. Я прицелился и выстрелил ему в голову. Левая нога у него дёрнулась, и он затих. Кончен!

С тех пор прошло много времени, наверное, с полгода, и я не встретил ни одной живой человеческой души. Животные души я встречал и некоторые превратил в пищу. А до этого случая я убил молодого мужчину. Он сидел в доме и ел из тарелки какую-то простую еду, потому что только простую еду так едят. Я выстрелил из укрытия в окно, и он дёрнулся всем телом от удара пули, выплюнул еду на стол, выпрямился, словно хотел встать, а потом плюхнулся лицом прямо в тарелку. В доме ещё была женщина, возможно, красивая, я не успел рассмотреть её лица. А у мёртвых нет лиц.

Я всё время нахожу причины убивать. И каждый раз новые причины убедительнее старых. Может для того я и ищу их.

Я долго считал, что жив только потому, что никого на своём пути не оставлял в живых. Потом в согласии с Полуяновым решил, что прежний мир погубили компромиссы, а новый изживает их, и через убийство я становлюсь частью наступающего мира.

Однажды, спрятавшись в дупле дерева, чтобы переночевать, я вспомнил Молоденькую и ту ночь, когда Буран разрешил нам познать друг друга. В моей жизни было не так много секса, гораздо чаще я мастурбировал перед экраном ноутбука. И в ту ночь я настолько разволновался, что у меня зуб на зуб не попадал от дрожи. А Молоденькая обнимала меня и ласково шептала мне: «Чего ты? Ну, чего? Глупенький». Подталкивая меня, чтобы я голым телом совершал движения любви. И в судорогах счастья выстрелил в неё, казалось, всей накопленной за дни воздержания спермой, и долго приходил в себя. И когда силы вернулись, уже не чувствовал того волнения, когда входил в Молоденькую, не предвкушал наслаждения прежней силы, и, снова выстрелив, почувствовал нарастающую горечь после краткой опьяняющей вспышки. Я остыл к ней. А Молоденькая стала носить от меня ребёнка. А может от Бурана. И все её отговаривали, убеждали, что в таких условиях не до рождения детей.

– Что ты с ним будешь делать? – строго спрашивала её Старшая. – Одна? Здесь!

И я лежал в большом тёмном дупле и думал, что долгое время семя вылетало из меня впустую, а потом соединилось с телом Молоденькой, а может это семя Бурана оплодотворило новую жизнь, но так или иначе, я не мог на эту жизнь влиять. Эта жизнь лишь в какой-то мере продолжение моей, потому что я сам по себе, как и все.

Сколько себя помню, нас всё время объединяли, от маленького коллектива на работе до целого мира, который больше всех наших представлений. Мы всё время старались обособиться, а люди, поставленные над нами, словно очень сильно этого боялись и боролись с нашим индивидуализмом. Незадолго до Снега начальник организовал нашей конторе выезд на пейнтбол. Он тоже, как Буран, прохаживался перед нами, стоявшими в шеренгу, одетых в специальную одежду, в защитные шлемы, и говорил о смысле игры, что разделившись на две команды и стреляя друг в друга из маркеров шариками с краской, мы в конечном итоге почувствуем себя одним целым и поймём, кто из нас чего стоит. Уже потом я узнал, что начальник участвовал в соревнованиях по пейнтболу и даже завоёвывал призовые места, его я тоже поразил шариками с краской.

– Не ожидал, – качал он головой после игры, расстроенный своим поражением и немного выпивший водки, – не ожидал. От тебя я меньше всего ожидал. Ты занимался этим раньше?

– Никогда. Сегодня в первый раз.

Он мне не поверил, а потом сказал:

– Ты – прирождённый стрелок. Тебе надо развиваться в этом деле.

Я не хотел.

– Так бывает, – убеждал меня начальник, – стремишься к одному, а рождён для другого. Понимаешь меня?

А потом я вышел к морю. Дул ветер, и перед глазами открывался такой простор, что не хватало глаз. Как будто кто-то позволил, наконец, глубоко вдохнуть и выдохнуть. На берегу стоял маяк, от маяка в море выступал длинный деревянный пирс. Я сел на песок и стал смотреть на волны, вспомнив, что никогда не был на море и что всегда хотел его увидеть. В детстве я часто представлял, насколько оно большое – море. Насколько непохоже на Финский залив? И если синее, то как небо или совсем другое? И пробовал пить солёную воду из стакана, как будто она – море.

Теперь море было передо мной, с синевой вдаль, а у берега зеленоватое. Я зачерпнул рукой воду, поднёс к губам, попробовал её и почувствовал на языке морскую соль. Соль воды. Я нашёл своё место. И если я не буду счастлив здесь, то не буду счастлив нигде.

Красная башня маяка упиралась в небо синее, чем море, с большими белоснежными облаками, медленно плывущими за горизонт. Я поднялся на самый верх и нашёл там небольшую комнату с окном, в котором моря было ещё больше, а всё остальное не имело значе-

ния. На кровати лежал высохший труп мужчины, почти скелет в одежде. Он меня не испугал и не смутил. У окна стоял письменный стол, на столе стопка бумаги, карандаши в стаканчике и большая коробка под столом, заполненная нераспечатанными пачками бумаги в зелёной обёртке.

Я похоронил мужчину под деревом, названия которого не знал и не видел такого раньше, как не знал и имени умершего. Я решил, что он был писателем, хотя не нашёл ни одной строчки, написанной им. Я долго сидел и думал обо всём, что со мной произошло и никак не мог заставить себя встать. Мне хотелось снова и снова смотреть на море, на небо, на берег, – во всём этом был покой, которого я до сих пор не встречал. Но долго оставаться на открытом месте я боялся, к новому миру ещё предстояло привыкнуть. Поднявшись наверх в комнату, я лёг на кровать, на которой ещё недавно лежал труп, и, засыпая, подумал, что вовсе не занял его место, а просто теперь это место моё. А может я об этом размышлял пока просыпался, потому что именно тогда решил попробовать написать что-нибудь. Ведь так люди и поступали, когда я жил в Городе, стоило им чуть-чуть пожить, они тут же решали написать о своей жизни книгу. Люди зачем-то пишут книги. Когда мне исполнилось тридцать лет, я перестал понимать, зачем они их читают. Иногда я брал книги из домов, в которых убивал людей, и начинал читать, но редко дочитывал до конца. Не было одной причины, почему я переставал читать. Из одной такой книги я и запомнил слова, что если нет книги, которую захотелось бы прочитать, то есть только одно решение – написать свою. Отчасти в шутку я изменил кое-какие слова, новый смысл мне был в тех обстоятельствах ближе: «Если нет такого человека, которого бы тебе захотелось оставить в живых, убей всех».

Теперь я не стрелял в людей. В окне море было похоже на мою новую безмятежную жизнь. Я сидел за столом, пил растворимый кофе и ел запечённое мясо убитого мной кабана, я принёс его с собой в рюкзаке. Справа в стене, рядом с окном, я обнаружил прорезь, она была узкой и в неё можно было просунуть только лист бумаги, она чем-то напоминала щель в почтовом ящике. Я бросил в неё несколько листов просто так. Позавтракав, спустился вниз и, когда спускался, искал место, куда листы бумаги могли упасть, дошёл до подвала и нашёл лишь небольшие запасы испорченной еды и бочки с протухшей водой. Я вышел на пирс, погода была хорошая, светило солнце и было тепло. Море плескалось под деревянным настилом и не хотелось подниматься и идти искать подходящую ветку для удилица и катить пустую бочку к небольшой речке, впадающей в море, хотелось слушать плеск волн и ждать, когда рыбки выпрыгнут над поверхностью и блеснут серебристым боком на солнце.

Писательство оказалось не меньшим трудом, чем труд, который считает трудом большинство людей; оно совершенно изматывало долгими бессмысленными промежутками времени, когда не знаешь, что написать и такими же промежутками, когда пишешь, и потом опустошённый и нервный, как будто весь день сидел на допросе и под конец выяснилось, что алиби нет. И тогда я шёл заниматься бытом, собирал дрова для печки, ловил рыбу, носил воду, придумывал о чём буду писать, это мне нравилось больше, разрозненные эпизоды пёстро теснились в голове, оживляли однообразную работу своим гулом, но стоило вернуться за стол и начать записывать всё на бумагу, волшебство исчезало. Слова оставались, но как оболочка, словно жучок выел ядро ореха, пока я поднимался наверх, или подлый взрослый съел конфету, скрутил пустой фантик, а я, не ожидая подвоха, развернул его, усевшись за стол, и вдруг услышал издевательский хохот. Огонь помог мне понять причину. Как-то утром я ждал, пока закипит вода в чайнике и ясно увидел, как энергия передаётся от одного тела к другому, а от него – третьему, и для каждого свой момент, которым нужно дорожить, а не думать, что тепло так и останется в воде. Я понял, что это распространяется на все вещи. Стоит мне взять чайник с кипятком и пойти с ним вниз, вода в нём начнёт остывать без огня, отдавая свою энергию воздуху, через металлическую оболочку. Точно так же я терял энергию слов. Я вспомнил умер-

шего старика, мне пришёл в голову образ, что сначала идеи подобны скелету и в таком виде, как идеи, можно думать, где угодно, но как только на костях начнёт расти живая плоть, нужно либо перестать думать, либо бежать наверх и немедленно записывать, чтобы успеть передать энергию слов, которая, как переменный ток, не накапливается. А потом уже мясо обрастает кожей, когда десятки раз перечитывая одно и то же, без конца правишь написанное – самый преданный читатель, возможно, писателя – графомана.

Исписанные листы я бросал в щель в стене. Я почему-то был уверен, что так же поступал предыдущий служитель маяка. Я называл умершего и себя служителями маяка.

Однажды я написал рассказ и так же бросил листы по одному в щель, как письма в почтовый ящик. Был поздний вечер, море у берега замёрзло причудливыми ледяными фигурами, но я их не видел в чёрном окне, даже когда в темноте зажёгся пульсирующий свет маяка. И мне стало страшно. Я сбежал по лестнице вниз, на улицу, в чём был, на скользкий, весь в снегу, пирс, холод обжигал горло, у меня не было карабина, а то бы я выстрелил в зеркало маяка, потому что он разрушал мою анонимность, сигнализировал обо мне людям, которых я боялся. Я как будто указывал им путь, которого сам не знал.

Поднявшись наверх, в свою крошечную комнату, я вдруг рассмеялся, смех был отчасти истеричным: Господи! вся моя жизнь – это трясущееся тельце русского тоя, вышедшего из Снега, выжившего, потому что я всегда бил первым, не имеющего семьи и не нашедшего смысла, идущего к цели, которая как непроглядная тьма в окне, разлитые чернила на бумаге, которую нужно бросать в узкую щель, как в глухую бездну, и когда свет маяка загорается, это значит... Значит ли это, что он зажёгся от моих слов, от моих рассказов, и что всё это достойно указывать живущим путь? Или я обманываюсь, и маяк всё ещё пробуждают слова мертвеца? Мертвеца! Который так же бросал листы бумаги в никуда. К мертвецам всегда больше прислушиваются. У живых нет такой силы. И они не знают, отчего загорается свет на маяке. Загорается и гаснет. Загорается и гаснет.

Время

Время похоже на песок, тонкой струйкой падающий в узкую горловину. Времени много в верхней и в нижней колбах, а в узкой горловине его мало и там оно быстротечно. Не успеваешь заметить, а его уже нет. Но это и не нужно. Всё, что требуется, переворачивать песочные часы и считать сколько раз перевернул. И громко кричать в усилитель голоса с четырьмя огромными колонками, стоящими на верху башни Точного Времени, направленных во все стороны света, чтобы было слышно всему Городу, когда перевернул:

– Пятьдесят раз!

Потом:

– Восемьдесят раз!

И ещё раз:

– Сто двадцать четыре раза.

После этого приходит сменщик, и считает уже он.

Вот такая у меня работа.

А сменщик кричит только два раза. Сначала:

– Сорок раз.

Потом:

– Семьдесят один раз.

Многие спрашивают, как это мы можем всё время следить за песочными часами, смотреть на падающий песок и не уставать. Но любой труд состоит из однообразных действий, и даже любимая работа большей частью – рутина, и меньшей – праздники.

И потом мы не смотрим всё время на песочные часы. У нас годами выработан навык чувствовать ритм часов. Он сродни неторопливому журчанию речушки в лесной чаще, с головами птиц и насекомых, среди которых слышишь кукушку и считаешь. Ещё это похоже на беспокойство, нарастающее и в нужный момент подсказывающее, что пора переворачивать часы, чтобы песчинки, не переставая, падали из одной стеклянной колбы в другую.

Горловина, через которую они сыпаются – это наше настоящее. В верхней колбе – наше будущее, в нижней – прошлое. И когда переворачиваешь песочные часы, всякий раз познаёшь истину, что прошлое и будущее – это одно и то же, и всё меняется только в них, а настоящее неизменно. И слышишь шорох времени и видишь через стекло вечность.

Покой легко увидеть за городской стеной, где нет ни леса, ни реки, ни голоса кукушки – бесконечный красный песок до самого горизонта, а в Городе, за высокими стенами, царит жизнь. Другими словами – суeta и хаос, другими словами – люди, живущие не настоящим. И для того, чтобы беспорядка было меньше, нужны мы, выкрикивающие в усилитель голоса точный отсчёт времени. Пятьдесят раз – это сигнал открывать городские ворота, возле которых ждут торговцы, путешественники, рабочий люд и просто сброд перекатный. Восемьдесят раз – это значит, что наступает время отдыха и всем, находящимся в Городе, следует прекратить работать. Сто двадцать четыре раза – это сигнал, что невыносимая дневная жара закончилась. Сорок раз – это сигнал для тех, кто привык зарабатывать на сомнительных удовольствиях и превращает вечернюю жизнь Города в безумное веселье. А когда Город слышит «семьдесят один раз» – улицы пустеют и огромные ворота закрывают стражники на ночь.

Надо ли говорить вам, как сильно хочется многим ускорить «пятьдесят раз», продлить «восемьдесят раз», прибавить к «сорок раз». Не знаю, почему я отказывался от таких предложений. Разве я боюсь, что люди в белых шляпах раскроют мой обман? Они заняли очередь возле башни Точного Отсчёта и мечтают занять место Временщика, моё место. Сидят на широ-

ких ступенях главного входа и точно так же переворачивают свои песочные часы, но их отсчёт времени никто не признаёт.

Я умею отыскивать в людях дурные наклонности. Не один раз я сталкивался с изошрённой корыстью, скрывающейся за маской дружелюбия и даже любви. Ради своих сиюминутных целей люди подсылали ко мне женщин, сами набивались ко мне в друзья, проявляли участие в моей жизни, дарили особенные подарки. Но, на самом деле, расставляли сети. Нас никто не учил уметь разбираться в людях – это приходит с опытом, когда долго смотришь на песок времени, падающий вниз, а потом переворачиваешь часы, и песок снова падает вниз, едва взлетев. Несколько раз я ошибался в людях. Один раз не поверил чувствам женщины, потому что я умею различать только дурные наклонности. А в другой раз не смог простить друга.

Сменщика у камня с песочными часами не было. Уйти он мог только навсегда. Я перевернул часы и стал считать. Так уже было: ждёшь-ждёшь сменщика, а его уже нет. Сообщаешь Начальству, и в следующий раз приходит мальчик из тех, что сидят на ступенях главного входа в белых шляпах, и думаешь: «Поздравляю! Теперь тебе повезло». Но вслух не говоришь – плохая примета. И смотришь на падающий песок, и где-то там находишь сменщика, среди песчинок за стеклом, в другом Городе, куда таким, как я, не пришло время войти – то ли в прошлом, то ли в будущем.

Справедливость

Когда долго ищешь своё место в жизни, всюду сталкиваешься с несправедливостью и думаешь, что мир состоит исключительно из неё. И тогда острее всего реагируешь на отношение окружающих. Начинаешь делить мир на золы и принимаешь всегда ту, которая меньше. Но её тебе мало. Ты веришь в высшую справедливость – вершину мироустройства, а несправедливость – это твоя бесприютность.

Алхимик тщетно ищет рецепт философского камня, а ты ищешь рецепт правильного мироустройства, который действует без оглядки на лица, с завязанными, как у Фемиды, глазами, в любой дыре отечества, и чтобы никто больше не страдал. Пусть сначала средство будет несовершенно, ошибки неизбежны, но их будут своевременно исправлять, как исправляют ошибки в компьютерных программах.

Доходишь до того, что проводишь черту, за которой часть мира считаешь необратимо плохой и достойной уничтожения, а сам ты стоишь на другой стороне, перед экраном монитора, смотришь на цель в перекрестье электронного прицела, на экране мигает надпись ярко-красного цвета «Sodom and Gomorrah!», её сменяет автоматическая команда «Fire!», и ты не вмешиваешься в алгоритм действий запрограммированной на уничтожение техники и с нарастающим чувством благодарности смотришь на яркую белую вспышку и чёрный дым внизу, и чувствуешь, как в финале фильма – боевика, что злодея и злой мир в этой точке настигло возмездие. Сатисфакция!

Что такое справедливость? Один и тот же поступок может быть справедливым, а может и не быть, – всё зависит от текущей повестки дня и верховного суждения. Вчера ты мог лишиться за свой поступок всего, стать похожим на бомжа и, как Иов, стенать, что справедливости нет. А завтра тебя вытащат из говна за тот же поступок, отмоют в шампанском «Moët & Chandon», и ты пойдёшь в рост в мире, мгновенно убеждённом, что ты всё правильно делал в жизни.

Но насколько долго так будут считать?

Чувство справедливости коварно. Думаешь про справедливость, что это женщина с завязанными глазами, а иначе и думать не можешь. Не понимаешь, как плотнее завязать повязку, закрывающую глаза. Но потом, когда силы глаз под повязкой не хватает объяснить бардак вокруг, бежишь к обезьяне, закрывающей рот. Или уши. И долго так блуждаешь, шарахаясь от одной справедливости к другой. И можно так сгинуть без следа, если вовремя не поймёшь, что справедливость – лишь чувство. Так его и называют.

Чем я занимался до тридцати лет? Сначала ставил пломбы на себе, а потом на ключах аварийной защиты космических кораблей. Ниже меня были только уборщицы. И не было более изощрённого унижения, чем слушать торжественную речь Директора Звездостроя сразу после успешного старта космического корабля. Я присутствовал на нескольких стартах (больше не успел) и на каждом директор говорил речь, которая мало, чем отличалась от предыдущей.

– Не думайте, – казалось, искренне говорил он, – что труд уборщиц и пломбирщиков менее значим в строительстве космического корабля, чем работа менеджеров, юристов, экономистов, конструкторов, инженеров, наладчиков, водителей, рабочих. Я вот, как на духу вам заявляю, это не так. Мы делаем общее дело. Мы – единая команда. И от вклада каждого из нас зависит результат – успешный старт космического корабля. В нашем деле нет мелочей. Мельчайшая ошибка может погубить миллиарды у. е., репутацию нашего предприятия. Плохо сделанная пломба похоронит труд сотен людей, наконец. Поэтому я так говорю, что вы все здесь

важны. Без исключения. Все мы, в этом смысле, равны. Поэтому давайте поаплодируем друг другу, мы снова это заслужили!

Вроде бы хорошо он говорил, от души, а душу точила мысль, что со мной поступили несправедливо. «Последний станет первым! – с горечью думал я. – Только когда я стану этим первым? С такой-то ничтожной должности!»

Когда образовалась свободная вакансия у закручивальщиков контрольных гаек последней ступени, я перешёл туда и несколько месяцев был счастлив. Случай позволил встать на ступеньку выше. Показалось, что я нашёл смысл в новой должности и в новых обязанностях. В новой ответственности, как сказал, напутствуя меня, начальник участка. Но смысла в этом никакого не было. Я быстро научился премудростям медленного закручивания гаек в очках-микроскопах, и снова мир стал скорее несправедлив, чем справедлив.

Я слышал, что и те, кто занимал самые высокие должности, не считают жизнь справедливой, хотя, спрашивается, им с чего так считать. Я раньше думал, что сильные мира сего и есть справедливость и несправедливость мира, ведь всё в их руках. Они могут сделать жизнь лучше и могут превратить её в невыносимый ад. Кто они есть, как не подражающие творцу всего, который и есть самый сильный. Который сказал Иову, что мир справедлив, и тогда Иов увидел, что мир и вправду справедлив. Но у сильных мира так не выходило.

Комната Ло решила мои проблемы.

Ло придумал поверхность, которая полностью поглощала свет и при этом, как хамелеон, маскировалась под пространство, в котором находилась. Военные поначалу ухватились за его идею, не жалели средств на разработку аппарата-невидимки и первые полёты были отмечены самыми лестными оценками со стороны высшего руководства. На засекреченной базе в пустыне, где проходили испытания, они не могли отличить струившийся горячий воздух от лёгкого искажения пространства, репродуцированного экранами аппарата – невидимки.

Я в тот момент продолжал закручивать контрольные гайки и не рассчитывал, что в ближайшие годы поднимусь, хотя бы на одну ступень выше, но на базе у Ло лётчики-испытатели стали вести себя странно.

Что они делали во время испытаний? Они садились в правильный куб из экранов Ло, летали по Городу и смотрели, как живут люди. Лётчики выполняли задания, но вместе с тем смотрели на жизнь людей, как будто они были невидимыми ангелами. В комнате Ло не было оружия, поэтому лётчики не вмешивались, когда видели уличное насилие или другие преступления. Ло говорит, что экраны куба сначала аккумулируют свет, а потом транслируют происходящее лётчику, то есть искажают реальность. Мы видим окружающий мир подобным образом. Искажённый взглядами тех, к кому любим прислушиваться, и принимаем реальность их глазами. Вот и лётчики считали, что мир справедлив и совершенно не нуждается в переменах, потому что таким он был в комнате Ло. Я спрашивал Ло, как же это возможно, так обманываться? Если видишь, как малолетние преступники отнимают деньги у немощного старика, или как одни, не считая денег, веселятся, а у других на ужин – пакет «Доширака», и никто не хочет делиться, – как при этом мир справедлив? Ло молчал.

Теперь я тоже молчу. После комнаты Ло понимаешь, что можно найти нужные слова, а можно сказать, что справедливость – это чувство, и наши сильные чувства могут быть вызваны и какой-нибудь ерундой, и страшной трагедией, не случайно, в первом случае, просят, чтобы мы себя не накручивали, ничего страшного не случилось, а в другом – стараются успокоить.

После случившихся метаморфоз с лётчиками-испытателями, военные свернули проект. Зачем им лётчики, не видящие врага? Но дали возможность Ло продолжать работать с комнатой. Почему они так сделали? Они хотели сэкономить средства и надеялись, что Ло, продолжая свои эксперименты, найдёт, как они называли, изъян конструкции. Но вместо этого Ло нашёл группу единомышленников, а самое главное – состоятельного инвестора, заинтересованного возможностями комнат. Этот инвестор был двоюродным братом начальника отдела кадров Звездостроя. Однажды я к нему пришёл и выложил всю свою ржавчину, накопившуюся на душе, как психотерапевту, выложил начистоту, что почти каждый день хочу недокрутить контрольную гайку, потому что уверен, что со мной поступают несправедливо, что боюсь этого, но с каждым днём сдержаться всё труднее. И он предложил мне попробовать себя в качестве испытателя у Ло. Сначала я испугался и стал отказываться, но хорошо, что в итоге согласился.

Первое, что видишь, перед тем как войти в комнату Ло, это надпись на двери: «Что не убивает, то делает сильнее». А когда заходишь внутрь, то видишь другую надпись: «Что делает сильнее, то становится слабым». В комнате было много таких надписей на стикерах.

Я стал летать, невидимый, среди людей, как дух. И мне кажется, что я уже не человек, что я не принадлежу этому миру, и мне не нужны справедливость, правда, истина, место в жизни. Ничего не нужно, если я в комнате Ло.

Сила

Не могу быть слабым. Это всё равно что уступить в чём-то главном. Мужчина должен быть сильным, такова наша культура, слабость – женское оружие. Стоит признать, что кто-то сильнее тебя, показать свою хрупкость и всё, вернуться обратно невозможно. Изменил самому себе.

Серафим, мой напарник, каждую свободную минуту тренируется. Меня раздражают его занятия. Сажу, смотрю в окно и вижу Серафима, занимающегося силовыми упражнениями на брусьях и на турнике, или как он вверх вниз на одних руках по лестнице лазает. Или мы разговариваем с ним о всяком, а он не теряет времени, тренирует руки эспандером. Я его спрашиваю всё время:

– Зачем тебе это? Мы и так неуязвимы.

– Это в Костюме, – отвечает Серафим, – а я хочу без Костюма обладать сверхсилой.

– Без Костюма! – смеюсь над ним я. – Это невозможно!

– Зато шансы возрастают, если что.

– Если что, – иронично повторяю я.

Если что, нам никто не позавидует. Тех, кто в Костюмах, люто ненавидят. В новостях показывали, что происходит, если что. И закрывали мутными шашечками, чтобы не травмировать психику зрителей этим зрелищем.

Никто не помнит первый день своего рождения, мать помнит или врач-акушер, может отец, если присутствовал при родах, но день своего второго рождения я запомнил на всю жизнь. Это и немудрено, если впервые чувствуешь себя по настоящему счастливчиком. А как не почувствовать? Сначала попал в спецотряд, потому что я, как и Серафим, с малых лет совершенствовал своё тело и стал очень сильным и ловким, говорю без хвастовства, такая у меня была цель всю жизнь, а потом меня пригласили на секретную презентацию Костюма.

Презентация была похожа на воскресную проповедь. Воскресные проповеди я запомнил благодаря родителям и ох, как хорошо. Перед нами стоял седой старец, длинноволосый и длиннорослый, я думаю, это была бутафория – для большего эффекта, как и, в пол, белая рубаша, чтобы подготовить нас к восхищению. Старец читал сороковую главу из книги Иова. На слух я запомнил только стих: «Такая ли у тебя мышца, как у Бога?». И стал размышлять про свои мышцы. Старец долго читал, но никто и не думал скучать, наоборот, он как будто управлял нашим вниманием и в нужный момент – хоп! – сдёрнул чёрное покрывало, под которым лежал Костюм, и словно втопил педаль газа в пол и включил нашим эмоциям режим «форсаж», мы повскакивали с мест и стали свистеть, хлопать, и кричать, как на рок-концерте.

Костюм и, правда, был чудом, человека в нём могла уничтожить только естественная смерть – это я вам, как первый испытатель говорю. Что со мной только не делали, когда я был в Костюме: меня сбрасывали в жерло действующего вулкана, топтали слоны, стреляли прямой наводкой из оружия, какое только есть на Земле. Однажды подростки-афроамериканцы целый час били меня металлическими трубами, а я только смеялся, чтобы под конец они в ужасе встали на колени и стали просить прощения. Меня можно было связать и бросить в ледяную воду, в Костюме я всё равно ничего не чувствовал. Я выполнял самые сложные задания, которые у нас называли «работаем».

В награду за одно особо деликатное и сложное задание мне и Серафиму отдали Костюм в вечное пользование. Как раньше на наградное оружие наносили гравировку, так и у нас на внутренней стороне Костюма была благодарственная надпись. Пусть вас не смущает, что Костюм мне отдали в вечное пользование, это значит, что я могу передать его по наследству. В будущем, когда у меня появятся дети.

С тех пор я постоянно ношу Костюм. Без него я себя уже не представляю, без него я голый и хрупкий и, что ещё ужаснее, слабый. На меня нападает страх, когда отдаю Костюм в плановый ремонт.

На время ремонта всем предоставляют Светлую Комнату. Светлая Комната – это самое безопасное место в мире, безопаснее бронированного лимузина президента. Но я и там не чувствую себя в безопасности, особенно в первые дни. Без Костюма всюду мерещится опасность, как будто это взаимосвязано, и её выпускают из клетки, а, скорее всего, меня сажают с ней в клетку. Чтобы не истязать себя страхом в Светлой Комнате, я выбрал другой вариант – забыть. В состояние забытья вводит врач с помощью препаратов, и эти дни получаются просто вычеркнутыми из жизни.

Куратор называет нас героями. Он говорит, что в древности боги наделяли героев сверхчеловеческими возможностями, чтобы они выполняли их волю и следили за порядком на Земле.

– А кто у нас боги? – спросил Серафим.

– Боги – это наше дело, – ответил Куратор, и нам всё сразу стало ясно.

Меня ничего не страшит в Костюме, я уязвим без него, но время слабости можно пережить, зато потом Сила снова со мной. На много месяцев такая Сила, которую невозможно даже представить, если у тебя нет Костюма.

Думаю ли я ещё о чём-то? Нет. Больше ни о чём не думаю.

Вода

Вода всегда меня успокаивала. Растворяла ненависть. В школе меня называли психом. Поначалу я был самым маленьким и слабым в классе и пугал всех, катаясь на полу в истерике, только бы меня не трогали более сильные. В специальной тетрадке я бесконечно писал кровавые тексты, как я расправляюсь со своими обидчиками, и пририсовал им на общих школьных фотографиях синяки под глазами.

Потом я стремительно всех перерос, но ненависть никуда не делась. Я стал ещё агрессивнее. Мог зацепить незнакомого человека на улице и избить до полусмерти.

Безнаказанным это не могло долго оставаться. Но в тюрьме я совершенно сорвался с катушек. Я стал зависимым от ненависти. Именно там я по настоящему испугался, решил, что у меня что-то вроде ломки наркомана, она сводила меня с ума, если я не выплескивал на кого-то свою ненависть. Ненависть накапливалась, накапливалась, как похоть, до такой степени, что я не находил себе места от желания, особенно, в одиночной камере. Меня аж трясло от напряжения. И когда я удовлетворял свою жажду, то затихал, как благостный святоша, пока не начиналось всё по новой, и новый раз требовал всё больших эмоций. После разрядки, сразу за вспышкой освобождения, приходило сожаление, и я начинал думать, как мне справиться со всем этим, что с каждым разом ненависть проходит всё тяжелее и опаснее для меня самого. Пока из пустоты и отчаяния снова не притягивала мозг и тело, невыносимо сильная, ненависть. И я уже за себя не отвечал.

Я заметил, что ненависть проходила, когда охранники сбивали меня мощной струёй воды из пожарного шланга. Придавленный к стене, захлёбываясь, мокрый с головы до ног, я словно остывал, разве что не шипел, как разогретый до красна кусок металл.

Я вспомнил, что мог часами сидеть на берегу реки и слушать, как она течёт, как подставлял руки под струю воды из крана и долго-долго смотрел на окровавленные костяшки пальцев, и сначала думал, что люблю это и кровавые следы на стёртой эмали раковины, а оказалось – воду.

Тюремный священник часто говорил, что есть вода, которую мы пьём, а есть вода живая. – Это истина, – убеждал он и показывал священную книгу.

Мне хотелось поговорить с ним, сказать, что и буквальная вода может исцелять человека. Я долго не решался, а когда всё-таки напросился на разговор и рассказал о своих догадках, то наговорил всякого такого, как настоящий псих, и сказал, что я, возможно, ихтиандр. Не знаю, что на меня нашло. Эти священники, как колдуны.

В тюрьме мне приснился сон и потом часто снился, что я захожу в воду и чувствую сильное течение, и оно подхватывает меня и несёт, и я уверен, что к океану, и думаю во сне, что океан – это мой бог.

Когда я вышел из тюрьмы, то всё время думал, что как похоже: люди называют религии течениями и течение есть у воды, и может быть всё это неспроста. И решил искать в конфессиях живую воду – истину, которая бы для меня была лекарством от ненависти.

Считается, что по настоящему верующие люди не испытывают ни к кому ненависти, а вместо этого тихи, смиренны, всех любят, и что они видят воду, которую не вижу я. Я хотел почувствовать нечто подобное тому, что испытывал, когда надзиратели струями воды из пожарного шланга сбивали меня с ног, выбивали из меня весь мусор, загоняя в угол, и там я, остывающим куском дерьма, находил, рай для себя, который находят и верующие, только другой.

Но вместо того, чтобы окунуться в живую воду истины, я становился пассажиром кораблей, застрявших в высохших руслах рек. Меня убеждали, что корабли плывут издалека, много

веков, что надо оставаться в русле, ждать, пока вода появится. И я видел, что в этом ожидании среди пассажиров царит уныние, недоверие и ненависть ко всему, что вне их корабля.

– Вода есть! – убеждал меня один священник. – Только её надо увидеть.

В русле валялись высохшие кости рыб. Впереди было тоже самое.

– Вы плывёте на месте, – сказал я одному религиозному деятелю. Может напрасно сказал.

Как-то разговорился с одним очень умным прихожанином, и он сказал, что человеческое тело большей частью состоит из воды и что это открытие сделали в отряде 731. Я ответил, что не слышал о таком отряде, но куда бы я не приходил, ничего кроме ненависти не находил:

– Их вода меня не успокаивает.

И тогда другой умный прихожанин сказал:

– Может тебя с моей дочерью познакомить. Может она – вода, которая тебя успокоит?

И как в воду глядел.

Пища

Всё было необычно в этом ресторане. Например, посетители сначала заходили в зал Меню – большую библиотеку с книжными стеллажами до потолка по периметру. Френд сказал, что любую официанты снимут с полки, если попросишь, но для удобства меню электронное.

Мы сели на один из диванов, негромко играла электронная музыка, бесконечная и спокойная.

– Я всё-таки не понимаю, как это действует? Это еда с какими-то веществами?

– Нет, – Френд не умел передавать свой опыт словами, – ты же знаешь, за всю жизнь я не прочитал и десяти книг, но отведав пару книг здесь!... ну, я стал понимать тех, кто любит читать.

– Таких, как я? Понятно.

К нам подошёл официант, светловолосый молодой мужчина, одетый в тогу жёлтого цвета, с оливковым венком на голове, похожий на олимпийцев, как их изображали на древнегреческих вазах. Другие официанты выглядели так же, видимо, они проходили специальный отбор перед приёмом на работу.

– Я здесь впервые, – сказал я официанту, – Френд уже был и пребывает в диком восторге от вашего заведения. Но я не очень понимаю, что меня в конечном счёте ждёт?

– Пища, – просто ответил официант и так посмотрел на меня, что трудно было возразить этой простоте.

– Ну-у.. – я немного растерялся, – то, что пища, это понятно. Слова пока только. Френд пообещал, что я такого никогда не пробовал, что это какие-то совершенно новые ощущения.

– И он прав, ведь вы будете есть книгу. Неслучайно у нас на входе висят слова из книги Иезекииля, – и официант прочитал наизусть. – Сын человеческий! напитай чрево твое и наполни внутренность твою этим свитком.

Я согласно кивнул, показывая, что прочитал эту надпись:

– У вас много библейских сюжетов в оформлении, – я показал на плафон на потолке, на котором были изображены Эдемский сад, Адам и Ева, херувимы, Бог и дьявол почему-то в поварском колпаке.

– Это ещё одна подсказка, – сказал официант, – как вы знаете, первые люди могли есть в Эдемском саду плоды любого дерева, только с одного дерева Бог запретил им есть. Но они нарушили запрет и были изгнаны из рая. Создателя нашей кухни всегда удивляли буквальные объяснения произошедшего с первыми людьми, он считал, что объяснение гораздо сложнее. Особенно он это почувствовал, когда у него появились дети. Они тоже его не слушались и ели то, что он им запрещал, но выгонять их из дома, объявлять проклятья ему не приходило в голову.

– Видимо, всё это не буквально.

Официант улыбнулся:

– Безусловно, но всё-таки... – он сделал многозначительную паузу. – Возможно, это были не совсем материальные плоды.

– Кто же теперь знает? – пожал плечами я. – Надеюсь, мы не будем есть бумагу? – я весело посмотрел на официанта.

– Нет, – ответил он, – вы будете есть плоды. Плоды творчества.

– Ах, вот как вы всё это обыгрываете! – предположил я вслух. – Кулинарная ассоциация с конкретной книгой?

– Никакой ассоциации, – вмешался в разговор мой Френд, – всё буквально. По настоящему сделано из книги. Только ты её не читаешь, а ешь? У них специальная машина есть, – он посмотрел на официанта, словно передавая ему эстафету разговора.

– Машина называется «Преобразователь Логоса», – сказал официант, – господин Кублановский придумал специальный код. Помните, когда-то придумали код и преобразовали звуки в цифры? Появилась цифровая музыка. Здесь нечто похожее. Конечно, преобразуя книги в пищу материальную не обойтись без ошибок, но мы работаем над этим, и поэтому называемся «Элемская Кухня».

– Да, «Элемская Кухня». Игра слов.

Официант кивнул в знак согласия:

– Не хватает до совершенства одной буквы, как мы между собой шутим.

– Понятнее, конечно, не стало. Ну, да ладно. С чего посоветуете начать знакомство с вашей кухней? У вас есть дежурное блюдо? Может что-то нужно попробовать в первую очередь? Блюдо от шефа?

– Мне трудно что-то советовать. Я не учитель, а вы не школьник, чтобы читать книги, навязанные чиновниками от образования. Я даже не могу ничего предложить. Как я и говорил, у нас можно есть любые плоды с деревьев, точнее, с книжных полок.

Я посмотрел на Фрэнда:

– А ты что посоветуешь?

– Опалённые зоной.

Сначала мне показалось, что он пошутил, но потом Френд продолжил:

– Очень неплохо. Неожиданно даже.

– Вам понравилось? – из профессиональной вежливости сказал Официант. И ещё уточнил. – Только не опалённые, а обожжённые зоной.

– Да-да, – торопливо согласился Френд, – всё время путаю.

– Что же за вкус у такого блюда получается? – с издёвкой спросил я. – С запахом копчёного мяса?

– Нет, – Френд не заметил моей иронии, – ты заикнулся на одном, а здесь не играют в ассоциации. Книги здесь – обыкновенная еда. Не знаю, суп такой... как суп. Здесь, по моему, всё скорее суп.

– Можно и так сказать, – согласился официант, – проза – это не твёрдая пища.

– Не твёрдая? – переспросил я.

– Да, – кивнул Официант как ни в чём не бывало. – Из прозы получается... э-э... ну, да! суп, который принято считать супом в Европе, – он немного помолчал, словно раздумывал, стоит ли делиться своими мыслями с посетителями, но всё же продолжил. – Забавно, что русская классическая литература – это тот же европейский суп, а не как принято у нас, чтобы много овощей и мяса было в супе, чтобы он был наваристым и погуще. Мда... Да и поэзия тоже не твёрдая пища. Э-э... на кашку похожа. Иногда попадают твёрдые комочки, но их скорее воспринимаешь, как комочки в манной каше, – с видом знатока сказал официант.

– Честно говоря, вы меня совсем запутали, – признался я.

– Это неудивительно, – не почувствовав моего раздражения, сказал официант. – По опыту наших клиентов могу судить, что наилучший выбор для новичка – это любимая книга из детства. Беру на себя смелость утверждать, что это беспроигрышный вариант.

– Я выберу следующую книгу серии, ну, – Френд пощёлкал пальцами, вспоминая, – опалённые зоной.

– Обожжённые зоной, – уточнил официант, записывая свой голос в файл заказа.

– А что же мне взять? – задумался я.

– Ты всё время читаешь книги и теперь спрашиваешь? – засмеялся Френд.

– Может начать с самой главной книги? – Я показал взглядом на изображение на потолке.

– Об этом даже не думайте, – немного переступая границы отношений клиент – продавец услуг, сказал официант, – этой книги нет в меню.

– Почему? Вы же сказали, что могу выбрать любую книгу.

– Любую книгу на наших полках, а на наших полках её нет. И ещё это правило господина Кублановского. Мы не готовим плодов из священных книг. Даже из апокрифов мы готовим не для всех.

– Сложно как, – я немного растерялся.

Я стал вспоминать книги, которые прочитал и те из них, которые запомнились. Сначала я захотел выбрать книгу какого-нибудь заумного интеллектуала, чтобы мозг плавился от невозможности продаться в мир его идей, мне стало интересно, сможет ли это усвоить мой желудок. Потом, наоборот, захотелось выбрать самую никчёмную и глупую книгу. Будет ли меня от неё выворачивать, как при отравлении организма? Я даже что-то заказал официанту, но потом остановил:

– Подождите! Я передумал, – в последний момент мне пришла в голову другая мысль, догадка. Я спросил официанта. – Мне почему-то кажется, что вы – писатель?

– Вы правы, я написал несколько книг.

– Но я всё равно удивлён своей догадке. Сначала подумал, что вас отбирают только по внешним данным. Вы такие все физически развитые. Но не мог понять зачем.

– В человеке всё должно быть прекрасно, – улыбнулся официант. – Один из пунктов контракта требует, чтобы три раза в неделю все официанты обязательно посещали спортзал.

– Я почему спросил, захотел попробовать на вкус вашу книгу. Надеюсь, я вас не смутил своим желанием?

– Наоборот, мне очень лестно.

– Как я сам не догадался! – всплеснул руками Френд. – Может и мне заказать вашу книгу?

– Нет, – сказал я Френду, – это мой заказ. Сколько у вас книг? – спросил я у официанта.

– Три. Первая – это сборник рассказов и небольшая фантастическая повесть в начале. Да и рассказы фантастические. Вторая книга о мужчине, который попробовал много женщин, а любил одну. Третья – роман про зомби.

– Давайте начнём с первой книги. Как она называется?

– ХЧЗ.

– ХЧЗ?

– Да, это аббревиатура. Я её расшифровываю, как Хрен Что Значит, но можно и погрубее сказать, если угодно.

Я кивнул, что ответ меня устраивает.

Мы прошли в зал, который назывался Читальным, в нём было довольно сумрачно, свет давали только зелёные лампы, стоявшие на каждом столике, но Френд заверил меня, что здесь большое помещение.

Из кухни, скрытой во мраке, где загадочная машина «Преобразователь Логоса» выполняла заказы, нам довольно быстро принесли тарелки. В моей тарелке была мутновато-белая жидкость чем-то похожая по консистенции на очень жидкий овсяный кисель. У Френда в тарелке было нечто похожее, но больше раза в два.

– Не густо, – пошутил я.

– Иллюзия прозы, – пожал плечами официант, – но мы рады обманываться, как точно подметил один би-кулинар.

– Почему би?

– Он писал и стихи, и прозу.

– А получалось когда-нибудь в тарелке, чтобы был суп как у нас – русских?

– Никогда не слышал. У нас есть гости, которые заказывают сразу несколько книг, выдумывают комбинации из произведений одного автора или нескольких авторов. Но большинство книг не приносят чувство насыщения. После них нет ощущение полноты, – официант похлопал себя по накачанному животу.

– С полнотой борются, но только не в вашем ресторане, – сострил я.

– Это правда.

Официант отошёл от нас, и мы с Френдом принялись за еду. По ощущениям это было ближе всего к употреблению дешёвого алкоголя или балованных наркотических веществ, но ближе не значит почти точно. Это было состояние новой для меня природы, со множеством побочных эффектов, которые я не понимал и заранее их пугался.

– Как вам? – спросил официант, когда наши тарелки опустели.

– Мне понравилось, – обманул его я.

– И мне бонус к зарплате, – улыбнулся официант.

Френд тоже кивнул, что ему понравилось, но держался очень странно для себя, у него вдруг стало суровым лицо, глаза недоверчиво щурились, но тем не менее он оставил щедрые чаевые. Меня же не покидало ощущение полупустого стакана или наполовину полного, если представить стакан мыслящим существом, и я из него не выпил, а как бы познал его. Не могу найти других слов. И я обратился в официанту:

– Всё-таки, скажите, неужели никто ни разу не попробовал заказать что-то из библии? Сам господин Кублановский на основании чего такой запрет ввёл?

– Он и заказал сам себе, – ответил Официант с некоторым удивлением, показав всем видом, что о таком я и сам мог догадаться, – получилось... ну, наподобие яблока плод. Не яблоко, но что-то похожее. И когда он увидел яблоко... Ну, сами подумайте, разве кто-то решится это съесть?

– Но это же... я не знаю, совсем другое. На это нет запрета.

– И тем не менее, когда смотришь на яблоко, не рассуждаешь, как вы сейчас. Вы только предполагаете, говорите слова, а когда увидите плод перед собой, жутко станет.

– Страшнее, чем про тюрьму? – серьёзно спросил Френд. – Я готов.

– Вы подумайте, – мягко отказал официант.

Френд кивнул, он немного напоминал пьяного. Меня не отпускало желание раскритиковать книгу официанта.

Человек

– Простите, но я не до конца понимаю суть ваших претензий. Я протестировал устройство, оно исправно. Программная часть самой последней версии. Если вы хотите установить дополнительные опции, скажите, какие вы хотите.

Накануне эта женщина вызвала мастера из нашего сервис-центра, сегодня я пришёл в её квартиру и целый час проверял робота, который оказался абсолютно исправным. А женщина вместо того, чтобы согласиться со мной, сомневалась.

– Может быть вам поискать другую модель? – пытался помочь ей я.

– Это самый лучший, – отвечала она и всем видом демонстрировала, что покупка ей нравится, но было непонятно, что её не устраивает. – Может я в настройках что-то не так делаю?

Женщина купила самого обычного бытового робота, который в определённой степени исполнял роль прислуги. Давать задания можно было, как голосом, так и набирая текст на виртуальной клавиатуре. Внешне он напоминал инопланетянина, как его представляют в некоторых кинофильмах, зелёное светящееся круглоголовое существо, передвигающееся на колёсной паре, с большими жёлтыми глазами-подсветками, в которых были спрятаны камеры. Обычно такие роботы будили своих владельцев по утрам, напоминали о предстоящих делах, готовили завтрак, обед, ужин и даже праздничные столы, мыли посуду в посудомоечной машине или стирали бельё в стиральной, к ним можно было подсоединить специальный контейнер и тогда они мыли пол. Общение с роботом осуществлялось в режиме вопрос-ответ. Когда робот бездействовал, он стоял на базе и заряжался. Одинокие люди нередко ставили базу в комнату, чтобы вечер проводить с кем-то рядом. Я всё это к тому рассказываю, что такому роботу было очень далеко до совершенной имитации человека. С большой натяжкой его можно было назвать помощником по дому.

А что говорила эта женщина? Она говорила, что робот ей кажется совершенством.

– Вы должны меня понять, – пыталась она объяснить мне то, что я не понимал, – он всегда готов к жизни, а я часто просыпаюсь утром не в настроении, разбитая, плохо себя чувствую. Меня это угнетает. Мне иногда хочется, чтобы он ошибся, сделал что-нибудь не так, погрустил, спросил совета.

– Это же машина. Если он сделает что-то не так, значит робот неисправен.

– Я понимаю. Но может быть можно, чтобы он сделал один раз что-то не так?

– Как вы не понимаете? Это программа. Робот чётко выполняет заданный алгоритм.

– Вот я и хочу, чтобы вы эту программу чуть-чуть поменяли.

– Я этого сделать не могу, мы лишь ремонтируем роботов. Это вам к производителю надо обращаться. Но, сразу скажу, у вас вряд ли что-то получится.

– Но вы же говорили про эти... опции. Нельзя ли такую опцию сделать, чтобы он ошибся, но это бы не означало, что он неисправен?

– Честно говоря, я не очень понимаю, зачем вам это надо? Вы хотите, чтобы ваш робот иногда становился неисправен?

– Да. Пусть он немного сломается, будет похож на меня. Понимаете, удручает эта ежедневная раскачка себя с самого утра. Нужно всё время брать себя в руки, искать где-то силы. Не было бы робота, значит я могла пойти на работу не позавтракав, потому что тратить ещё и на это силы я бы не захотела. И всю дорогу я думаю, как хорошо быть роботом. У него есть эта готовность жить, а я эту готовность получаю через усилия. Тащу себя за волосы, чтобы жить. Я и врачу это всё рассказывала, он сказал, что мы – не роботы. Вот я и подумала, а нельзя робота как-нибудь по-человечески испортить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.